

УДК 316.65(=161.1)

А.Л. Андреев
РУССКАЯ МЕЧТА: ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: sympathy_06@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируются данные всероссийского социологического опроса Института социологии РАН (весна-лето 2012 г.), посвященного проблеме национальной мечты россиян.

Ключевые слова: мечта, идеалы, социальная реальность, персонификация мечты, солидарность, западничество.

Мечты принято относить к сфере иррационального, но их возникновение отнюдь не является спонтанным, не подвластным закономерностям процессом. В нем, в частности, довольно отчетливо прослеживается определенная социально-историческая логика, которую можно описать в категориях вызова и ответа. В мечте неприемлемая или, во всяком случае, несовершенная действительность претворяется в формы идеала. Однако то, как это происходит, зависит уже не только от самой действительности, но и от субъекта, в первую очередь от его социальных и социокультурных характеристик, которые могут рассматриваться социологически. В зависимости от этого в одной и той же ситуации разных людей могут привлекать различные, иногда даже прямо противоположные, перспективы. Соответственно, и мечтают люди о разном. Из широко освещавшихся в СМИ данных социологических и социально-психологических исследований известно, например, что беззаботно-жизнерадостные жители некоторых очень бедных южных стран чувствуют себя более счастливыми, чем состоятельные американцы и европейцы. Может быть, потому, что их мечты связаны не столько с материальным благосостоянием, сколько с чем-то иным?

Практически все мы не раз слышали об американской мечте. А в последнее время в словаре политической публицистики появилось семантически близкое этому словосочетание «европейская мечта». Есть и специальные работы, посвященные сопоставлению этих двух понятий [4]. А есть ли собственная национальная мечта у россиян? И если есть, какова она? Не так давно на эти вопросы попыталась ответить группа российских социологов во главе с М.К. Горшковым. Но если рассуждения об американской и европейской мечте апеллируют в основном к политической публицистике, разного рода разрозненным наблюдениям и неким культурологическим интуициям, то российские ученые исходили из данных проведенного ими весной и летом 2012 г. тематически ориентированного всероссийского социологического опроса¹.

© Андреев А. Л., 2013

¹ Опрошены 1750 респондентов, проживающих в обоих российских мегаполисах и 20 других субъектах федерации. Сконструированная для целей данного исследования многоступенчатая районированная выборка репрезентирует социально-демографическую структуру населения в возрасте 16–55 лет.

Сразу же отметим, что подобных эмпирических исследований, посвященных американской, европейской или какой-либо еще коллективной мечте, насколько нам известно, не проводилось.

Исследование показало, что для большинства наших сограждан на первом месте стоят их личные надежды и заветные желания, прежде всего жить в достатке, чтобы не приходилось считать копейки (такой ответ дали 40% опрошенных). В современных условиях такая расстановка приоритетов понятна. Однако уже на втором месте у россиян наряду с личным (иметь хорошее здоровье) появляется и общественное: *приблизительно треть опрошенных мечтают жить в разумно устроенном, справедливом обществе.*

Но что такое в их понимании справедливость? И что такое «хорошее общество» вообще?

Поскольку коллективные архетипы и грезы наиболее отчетливо и выразительно представлены в фольклоре, мы сочли необходимым включить в научную программу исследования анализ отношения россиян к некоторым широко известным сказочным и песенным образам. Предложив нашим респондентам список из нескольких таких образов, мы попросили указать среди них те, которые, с их точки зрения, полнее всего воплотили в себе русскую мечту. На первом месте оказался классический архетип Золушки: в нем образ русской мечты увидели без малого 40% опрошенных. Похоже, сентиментальная сказка о том, что красота, трудолюбие и добродетель волею прихотливой фортуны будут рано или поздно вознаграждены, согревает душу россиян не меньше, чем западного обывателя жизненные примеры принцессы Дианы и Кейт Миддлтон. Но надо учитывать, что эта мечта имеет ярко выраженный гендерный перекося: она увлекает до 60% женщин и лишь 16% мужчин, которым, как оказалось, ближе следующая за «Золушкой» по уровню популярности сказка «По щучьему веленью». Нашим согражданам она хорошо известна с самого детства, но не в аутентично народных вариантах, а в обработке А.Н. Толстого, в которой смысловой акцент сделан на мотиве случайного везения, никак не обусловленного усилиями и заслугами главного героя — дурака Емели. В такой сказочной ситуации свалившихся с неба счастья и удачи усматривает русскую мечту в общей сложности примерно четверть опрошенных (28% мужчин и 19% женщин). Приблизительно пятая часть участников опроса (чаще мужчины) связывает русскую мечту с представлением о грозной, но справедливой силе, защищающей слабых (образы сказочных русских богатырей). Присутствует в суждениях респондентов и мотив ничем не ограничиваемого материального изобилия в архаически крестьянской интерпретации — «молочные реки, кисельные берега». Но отношение к нему более сдержанное: данный образ ассоциировался с национальной мечтой россиян только у каждого шестого респондента.

До этого момента распределение ответов на данный вопрос было для нас вполне ожидаемым. Все остальное, однако, оказалось не столь очевидным и предсказуемым. Это касается, в частности, уральских сказов «Каменный цветок» и «Малахитовая шкатулка», в которых речь идет о стремлении постигнуть вершины мастерства и красоты, за что главному герою приходится заплатить личным счастьем, свободой и, наконец, заложить свою душу. По своему философскому смыслу это наиболее сложное произведение, в каком-то смысле специфически русская вариация фаустовской темы. Но, несмотря на трагическую тональность и отсутствие счастливого конца, его роль в воплощении русской мечты оценивается респондентами почти на том же уровне, что и сказка «По щучьему веленью». А вот образ хорошего царя, который многие социологи, историки и философы считают одной из определяющих черт русского менталитета, в представлениях наших респондентов о народных стремлениях и идеалах не вписался. И хотя Петр I остается для россиян одним из главных исторических символов, сказки, где он выступает в качестве мудрого, деятельного и справедливого правителя, соотнесла с русской мечтой только десятая часть опрошенных. Еще меньшее значение респонденты склонны придавать в этом плане образу торжествующего над

своим хозяином смышленного работника («Сказка о попе и его работнике Балде»), а также романтике необузданной вольницы (песни о Стеньке Разине): около 9 и 7% полученных в ходе опроса ответов, соответственно.

А как связана русская мечта с образами российской истории? Для понимания характера этой связи прежде всего необходимо учитывать, что русское самосознание на протяжении пяти столетий сохраняло отчетливо выраженный мессианский характер, поэтому на роль общенациональной доминанты обычно выдвигались лишь такие мечты и устремления, которые направляли Россию и русский народ на решение неких мировых проблем. Эта черта национального самосознания в значительной мере сохраняется и сегодня. Во всяком случае, проведенное исследование дает основания утверждать: чуть более половины россиян в возрасте до 55 лет убеждены в том, что все события отечественной истории происходили не просто так, и их следует рассматривать как служение России всему человечеству. Эта пропорция 50:50 с минимальными отклонениями (не более 1–2%) воспроизводится во всех значимых социально-демографических группах. И если две трети респондентов мечтают видеть свою страну великой державой, обладающей достаточной мощностью, чтобы влиять на все важные процессы в мире, то вовсе не из желания кого-то подчинить и завоевать, а из стремления уравновесить те тенденции мировой политики, которые россияне считают негативными, разрушительными и попирающими их чувство справедливости.

Опрос показал, что россияне отнюдь не склонны искать свои идеалы в далеком прошлом. Так, дореволюционная Российская империя кажется воплощением русской мечты лишь одному опрошенному из девяти, а революционная Россия (СССР) первых десятилетий советской власти — каждому двадцатому. В сумме это не превышает 16–17% от общего числа участников опроса. Большинство же наших сограждан не заглядывают за горизонт того, что можно назвать *актуальной историей*. Это события, непосредственно пережитые и переживаемые нынешними поколениями россиян: с одной стороны, текущий исторический период, эра Путина, а с другой — все еще сохраняющийся в живых впечатлениях миллионов людей драматический финал советской эпохи и реформы 1990-х гг. Общая доля респондентов, соотносящих свои идеалы с этой актуальной историей, составляет 52–53% опрошенных.

Еще недавно сравнительно сильная эмоциональная связь россиян с эпохой Л.И. Брежнева постепенно ослабевает. Сегодня признать его воплощением русской мечты согласились только 14% опрошенных. Обращает на себя внимание и кардинальный сдвиг в балансе оценок прошлого и настоящего. Если в 2000 г. только 6% россиян считали, что самая хорошая жизнь началась в условиях рыночной экономики, то в 2012 г. уже почти треть респондентов присоединилась к мнению, что русская мечта наиболее полно воплотилась в современный период истории России — в эпоху Путина. Конечно, треть — это не большинство (кстати, почти столько же участников опроса (31%) вообще отказываются рассматривать какой-то конкретный отрезок истории как время реального воплощения русской мечты). Но все же на стороне эры Путина — *самый большой сегмент выборки*. 10–15 лет назад россияне в 3 раза чаще отдавали предпочтение «золотой осени» советской власти, чем рынку и демократии образца 1990-х гг., в настоящее время они уже в 2,5 раза чаще выбирают современность. Что же касается перестройки и 1990-х гг., то отношение к ним по-прежнему остается резко негативным — в них видят воплощение национальной мечты не более 3–4% опрошенных.

Рисунок 1 - Какой период в истории России в наибольшей степени соответствует идеалам россиян, их представлениям о том, какой должна быть Россия, %

Ностальгия по развитому социализму (и отчасти периоду перестройки) — это, конечно, удел преимущественно того поколения, которое знает то время не понаслышке. Так, среди представителей старшей возрастной когорты (46–55 лет) это время считают воплощением русской мечты в 5 раз чаще, чем в группе 16–25-летних, и в 3 раза чаще, чем в следующей за ней возрастной категории 26–35 лет. Вероятно, поэтому доля респондентов, склонных идеализировать эру Брежнева, обратно пропорциональна их активности в Интернете: если среди тех, кто пользуется Интернетом каждый день, она составляет всего 8%, то среди совсем им не пользующихся — в 3,5 раза больше. Уровень соответствующих симпатий почти не зависит от образования, но определенным образом коррелирует с социальным статусом и уровнем доходов: он в 2 раза повышается на низшей ступеньке социальной лестницы и в 2–3 раза падает на двух самых верхних ее ступенях. Однако в промежутке между этими крайними точками распределение респондентов данного типа достаточно ровное и мало отличается от среднего по выборке значения индикатора (14%).

Чем же отличаются от них те, кто предпочитает отдаленным историческим реминисценциям и совсем еще недавнему прошлому зримые и осязаемые реалии сегодняшнего дня? В первую очередь это россияне, которые практически не знали другой жизни. Доля считающих, что современная Россия — это и есть воплощенная в жизнь русская мечта, среди самых молодых (не старше 25 лет) респондентов достигает рекордной отметки в 41%. Но в каждой последующей возрастной группе данный показатель теряет 5–6% и в конце концов опускается до 20%. Интересно, что склонность идеализировать современную эпоху мало зависит от уровня доходов (в группах, дифференцированных по этому показателю,

значения соответствующего индикатора варьируются в очень узком коридоре 32–37%), но она резко снижается у респондентов, относящих себя к трем нижшим статусным позициям, и возрастает на самой верхней (10-й) ступени социальной лестницы. Попутно надо заметить, что в мегаполисах и крупных городах, которым эпоха Путина принесла стабильность и относительное процветание, степень удовлетворенности ее результатами снижена по сравнению с сельскими поселениями и малыми городами (перепад составляет до 10 процентных пунктов).

Очень характерная черта тех, кто воспринимает сегодняшний день России как состояние, близкое к идеалу, — своеобразная «оптика» восприятия социальной реальности. Они как бы не замечают или существенно недооценивают существующее социальное неравенство.

А что можно сказать о тех, у кого русская мечта ассоциируется не столько с реалиями прошлого и настоящего, сколько с нереализовавшимися историческими альтернативами? Такую позицию, по данным исследования, занимает почти треть опрошенных. Эта часть россиян в известном смысле противостоит как склонному к идеализации отдаленных периодов истории меньшинству, так и мыслящему категориями актуальной истории большинству. Поскольку в число нереализовавшихся альтернатив логично включить и еще не реализовавшиеся, мы, по-видимому, вправе рассматривать сторонников данной точки зрения как почву, на которой формируются проекты будущего. Однако идеологический и социальный профили этого сегмента населения выглядят довольно неопределенно. Наиболее ясно просматривается лишь то, что здесь несколько больше, чем в среднем по выборке, представлены жители крупных городов (но не мегаполисов!) и те, кто отнес себя ко 2-й и 3-й ступеням социальной лестницы. Напротив, на высших ее ступенях число респондентов, считающих, что русская мечта до сих пор не была реализована, заметно снижается (например, на высшей, 10-й ступени, их доля падает до 21%, тогда как в целом по выборке она составляет более 32%). В ответах на вопросы, которые были заданы респондентам, они проявляют то умеренно либеральные, то близкие к социалистическим настроения. Так, здесь меньше сказывается характерный для российского социума перевес сторонников общества социальной справедливости над обществом свободы (в рассматриваемом нами сегменте он выражается пропорцией 6:5, в то время как в целом по выборке это соотношение приближается к 2:1). И в то же время в рассматриваемом сегменте несколько сильнее, чем в среднем, выражены эгалитарные настроения. Отношение доли респондентов, считающих, что значительное неравенство доходов людей необходимо для экономического процветания страны, к доле противников такой точки зрения здесь приближается к показателям группы, идеализирующей ранний период советской власти. На данном фоне даже приверженцы эпохи развитого социализма выглядят более буржуазными (о тех же, для кого идеалом являются нынешняя социальная модель или социальный строй Российской империи, в этой связи не стоит и говорить). Возможно, ценностные ориентации тех, для кого русская мечта все еще остается неосуществленной, можно интегрально охарактеризовать как леволиберальные. Однако вопрос этот требует дополнительных исследований и более широкого обсуждения.

Разумеется, история, рассматриваемая по периодам, — это еще не вся история. Наряду с этим она может быть представлена и в лицах, причем при таком подходе образы истории в национальном самосознании выглядят несколько иначе, чем было показано выше. Если, принимая во внимание общие обстоятельства жизни, россияне склонны сблизить мечту и знакомые им жизненные реалии, то, когда речь заходит о *персонификации* русской мечты, они, наоборот, чаще всего вспоминают о деятелях более отдаленного прошлого. Самым любимым историческим героем наших соотечественников по-прежнему остается Петр I. Среди них более трети считают, что он полнее и последовательнее остальных исторических деятелей воплотил в себе русскую мечту. В этом отношении он с большим отрывом опережает

всех остальных деятелей российской истории. Так, в рейтинге российских правителей следующей по популярности фигурой является Екатерина II, но и она вызывает восхищение россиян в 2,5 раза реже, чем ее великий предшественник. Советские же лидеры в этом контексте вообще не идут ни в какое сравнение. Это относится и к такому бесспорно выдающемуся деятелю, как Ленин, и даже к Сталину, во многом не без успеха подражавшему Петру (он, как известно, даже способствовал возвращению царя-преобразователя в пантеон национальных героев, что до середины 1930-х гг. для большевиков было абсолютно неприемлемо).

Что же касается номенклатурных выдвиженцев, какими были Хрущев, Брежнев и Горбачев, а в конечном итоге и Ельцин, то они не снискали себе в народе ни большой любви, ни большого уважения. И хотя в политической публицистике не раз предпринимались попытки представить оттепель и перестройку временем воплощения сокровенных народных чаяний и надежд, а 1990-е гг. — великой эпохой, каждый из перечисленных политических лидеров 1950–1990-х гг. является кумиром лишь для 2% своих сограждан (Брежнев — для 4%). На этом фоне результаты современных российских политиков смотрятся очень достойно — свыше 14%. Приблизительно 9 из этих 14% следует отнести на счет всего одного человека — В.В. Путина. Интересно отметить, что в электорате Путина более четверти связывают русскую мечту именно с действующими современными политиками. А вот среди причисливших себя к электорату Зюганова, Жириновского, Прохорова или Миронова, эту точку зрения поддерживает только один из 11–12. Надо полагать, что, выражая такую позицию, они имели в виду, в том числе, и тех политических деятелей, за которых голосовали на президентских выборах. Вместе с тем, эпоху Путина связывают с русской мечтой в 3,5 раза чаще, чем с личностью самого Путина. Между прочим, точно такое же количественное соотношение существует между эпохой Брежнева и личностью самого Генерального секретаря ЦК КПСС.

Полученные данные указывают на то, что русская мечта имеет не только материальное, но и духовное измерение. Это выражается, в частности, в довольно высокой оценке деятельности православных подвижников и святых — Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Матроны Московской и др. Их называли символом народных чаяний и народной мечты свыше 14% наших респондентов. В рамках проведенного опроса это второй результат — меньше, чем у Петра I, но больше, чем у такой популярной правительницы, как Екатерина II. В то же время деятели всех направлений, которые пытались выступить выразителями народных стремлений помимо и, тем более, вопреки государству и церкви, массовым сознанием отторгаются. Основательность их претензий на выражение народной мечты признают всего лишь от 1% (для русских националистов) до чуть более 2,5% опрошенных (для диссидентов советской эпохи, включая А.Д. Сахарова). Впрочем, примерно четверть населения страны вообще не видит для себя кумиров в прошлом и считают, что в качестве символа и выразителя народной мечты не может рассматриваться ни один из деятелей прошлого и настоящего (рис. 2).

Рисунок 2 - Кто из деятелей прошлого и настоящего, с точки зрения россиян, более всего способствовал (или способствует) осуществлению массовых народных чаяний (ожиданий), был или является символом мечты нашего народа, %
Сумма цифр превышает 100%, так как можно было выбрать до 3-х ответов. Не указаны «другие» (3%) и затруднившиеся с ответом (1%).

В целом симпатии и антипатии к деятелям прошлого и по статусным группам, и по возрастным когортам, и по типам поселений распределены относительно ровно, что говорит о достаточной гомогенности исторического сознания россиян. Как ни странно, не слишком сильно варьируются соответствующие показатели и в зависимости от политических взглядов. Единственное исключение — Ленин: голосовавшие на президентских выборах за Зюганова называли его символом русской мечты почти в 2,5 раза чаще, чем в среднем по выборке. Однако и среди коммунистического электората царь Петр значительно популярнее вождя пролетарской революции (36% опрошенных против 24%).

Национальную мечту никоим образом не следует рассматривать как некую заданную на все времена социально-психологическую константу. По мере изменения условий жизни одна мечта постепенно замещается другой, подобно тому, как это происходит у конкретных людей с их личными стремлениями и упованиями. При этом обычно наблюдается сложная интерференция идей и идеалов, в ходе которой складываются новые смысловые доминанты и

формируются образы будущего, воодушевляющие миллионы людей. В этом отношении русская мечта выделяется своим динамизмом. На протяжении последних 100–150 лет она не раз меняла контуры и наполнялась новым содержанием. Вначале она конституировалась и долгое время существовала как мечта о правде-справедливости. Затем, с выходом на историческую авансцену поколения, не знавшего крепостного права и формировавшегося уже в условиях бурно развивающегося промышленного капитализма, начала складываться народная мечта о приобщении к культуре и образованности, которая стала одной из составляющих революционного порыва 1905 и 1917 гг. На основе порождаемых ею ценностных ориентаций и моделей социального поведения в 1950–1960-е гг. складывалась специфическая форма социальности, особенности которой во многом объясняют как впечатляющие достижения СССР периода его расцвета, так и подтачивавшие советскую систему противоречия, в конечном счете приведшие к ее крушению [2, гл. 4]. В первые послевоенные десятилетия коллективные чаяния большинства советских людей во многом определялись очень простой формулой: «Только бы не было войны». Что ни говори, но была у многих людей и вера в коммунистическое завтра. Но к началу 1970-х гг. все это оттесняется на задний план новой, альтернативной прежним, коллективной мечтой, связанной с социальным запросом на формирование общества потребления. Составной частью этой мечты о потребительском рае стала своеобразная идеализация Запада, стремление сблизиться с ним вплоть до обретения некоей единой идентичности.

Вскоре, однако, выяснилось, что Запад — это не только бытовой комфорт и демократические ценности, но и определенный взгляд на вещи, который в свете российского опыта часто кажется поверхностным, неадекватным или неискренним. Западная идентичность — это еще и некая коллективная мечта, которая в настоящее время существует в двух основных конкурирующих между собой вариантах — европейском и американском. Американская мечта — это мечта об индивидуальном материальном успехе, в конечном счете она сводится к тому, что любой энергичный и ответственный индивид может преуспеть, если будет много работать и проявлять изобретательность, рассчитывая исключительно на самого себя. Все это, однако, не слишком согласуется с настроениями россиян, связывающих свои надежды на лучшую жизнь прежде всего с соборным государственным целеполаганием, ориентированным не на интересы отдельных социальных групп и слоев и даже не на их согласование, а на общенародные задачи и цели. В подтверждение сошлемся на распределение мнений респондентов по вопросу о том, какие лозунги, принципы и политические формулы в наибольшей степени выражают их личную мечту о будущем России. Чаще всего на него отвечали так: «Социальная справедливость, равные права для всех и сильное государство, заботящееся обо всех своих гражданах» (почти 45% полученных в ходе опроса ответов). Около 60% опрошенных согласились с тем, что государство должно отстаивать интересы *всего народа* перед интересами отдельных людей, а 71% респондентов признали необходимым усиление роли государства во всех сферах жизни, в том числе национализацию крупнейших предприятий и стратегически важных отраслей.

Если американская мечта выросла на почве культа личной автономии овладевающего условиями своей жизни индивида, то мечта, воплотившаяся ныне в проекте Единой Европы, носит солидаристский характер, она основана на специфической модели позитивного взаимодействия человека с другими людьми и природой. Американская мечта подчеркивает экономический рост, личное богатство и независимость, европейская же делает акцент на устойчивом развитии, качестве жизни и диалоге как средстве совместного решения общих проблем [4].

Эти европейские идеалы, безусловно, для многих весьма привлекательны. Однако и они вряд ли полностью совпадают с устремлениями и надеждами россиян. В России довольно низок потенциал субсидиарности, которая играет важную роль в реализации европейского

исторического проекта. Так, по данным нашего исследования, только 9% респондентов ощущают чувство общности с людьми, живущими в том же населенном пункте, в той же местности.

Еще одно различие — это твердая приверженность россиян идее органической общности в рамках национального государства. Как показывают ранее проводившиеся исследования, наши сограждане не слишком стремятся с кем-либо объединяться и в любом случае отдадут в этом вопросе предпочтение близким им по культуре странам СНГ (Белоруссии, Украине и Казахстану) [3, с. 53]. Неслучайно россияне с самого начала не были расположены к насаждавшейся одно время в Европе идеологии мультикультурализма и задолго до того, как ее недостаточная эффективность была признана рядом ведущих европейских лидеров, воспринимали ее как утопическую и благодушно наивную, мало согласующуюся с жесткими реалиями полиэтнического евразийского пространства.

Своеобразие российской мечты и наиболее характерных устремлений россиян во многом связано и с тем, что они — гораздо большие индивидуалисты, чем европейцы. В этом они, кстати, в известном смысле сближаются с американцами, хотя российский индивидуализм имеет несколько иную психологическую природу и иной оттенок (чаще всего это то, что в России называют пофигизмом). Ключевой вопрос: хотят ли респонденты быть полезными для общества, или они предпочитают просто жить, как им хочется? При ответе на него мнения разделились почти поровну: 52% против 47%. В то же время только четверть опрошенных согласны поставить на первое место какую-то объединяющую всех значительную цель. Социальный мир современного россиянина — это замкнутый на себя малый мир его семьи и друзей, в несколько меньшей степени — коллег по работе. Именно к ним он ощущает наибольшую привязанность (на это указали почти две трети опрошенных). Заметную роль играет взаимопонимание на почве общего жизненного опыта: более трети участников опроса отметили эмоциональную связь с представителями своего поколения (что косвенно свидетельствует о значительных разрывах в условиях социализации вследствие катастрофического характера российской истории XX в.). А вот классовая солидарность (с людьми того же достатка), которая важна для сплочения людей на защиту своих коллективных интересов, ощущение близости с единомышленниками, людьми, разделяющими тот же тип культуры, весьма незначительна (рис. 3).

Рисунок 3 - С кем россияне часто ощущают чувство общности, %
Сумма цифр превышает 100%, так как можно было отметить любое число ответов.

Следует особо сказать о том, что русская мечта принципиально расходится с установками западной культуры в понимании свободы. Вообще говоря, свобода — это одна из главных российских ценностей. Свыше двух третей респондентов считают, что свобода — это то, без чего жизнь теряет свой смысл, и только треть соглашались с тем, что свобода второстепенна, и ставят выше нее материальное благополучие. Мечта о свободе, несомненно, воодушевляет россиян: данный результат с небольшими статистическими отклонениями повторяется от исследования к исследованию на протяжении более полутора десятилетий. Однако, как показывают результаты неоднократно проводившихся опросов, быть свободным для человека русской культуры — совсем не то же, что для американца, немца или француза. Свобода в русском ее понимании — это не возможность реализации определенных прав (соотнесенных в то же время с известными обязанностями), а возможность быть самому себе хозяином: это не что иное, как пресловутая русская воля, которая может выражаться в самых разных, но всегда предполагающих энергетическую разрядку формах. И в этом постоянном поиске точки приложения энергии россияне, по некоторым наблюдениям, в чем-то сродни американцам. Отсюда и очень напоминающее американских неоконсерваторов

типа Р. Кейгана восприятие Европы, в котором наряду с такими характеристиками, как комфорт, благополучие, цивилизованность, присутствуют эгоизм, неискренность и слабость.

Как показали результаты проведенного исследования, в настоящее время около 54% граждан страны в возрасте до 55 лет считают, что индивидуализм и либерализм западного типа России не подходят, для нее важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. Правда, немало тех, кто с такой постановкой вопроса не согласен. В общей сложности это примерно 46% опрошенных. Среди молодежи до 25 лет и наиболее состоятельных россиян (с уровнем дохода не менее чем в 2 раза выше медианы по данному типу поселения) позитивное отношение к западным ценностям даже на несколько процентных пунктов перевешивает негативные настроения, а среди наиболее образованной части населения между этими двумя противоположными установками в настоящее время установился приблизительный паритет. Такой же паритет зафиксирован среди жителей малых городов и городов областного масштаба. Не следует, однако, думать, что антизападные настроения — это удел депрессивных поселков и сел. Как ни парадоксально это выглядит с позиций стандартной теории модернизации, их в такой же или даже еще большей степени разделяет население обеих российских столиц. Среди респондентов, проживающих в мегаполисах, доля считающих, что западные ценности и идеи не подходят для России, поднимается до 65%, а доля их оппонентов соответственно снижается до 35%.

Характер российского западничества за последние 20 лет несколько изменился. И то, что значительная часть россиян в целом позитивно воспринимает западные ценности, не означает, что они поддерживают широко распространенное на заре демократических реформ стремление к интеграции с западным миром и ту мечту об общеевропейском доме, которая владеет умами населения Восточной Европы (за исключением разве что Венгрии). В сегодняшней России сближение с Западом и европейская мечта — это мечта 10-процентного меньшинства, а реальное чувство общности с европейцами ощущает и вовсе ничтожная часть находящегося в социально активном и трудоспособном возрасте населения страны — 1,7%.

Охлаждение к Европе, образ которой еще недавно теснейшим образом сопрягался в сознании россиян с мечтой о достойной и комфортной жизни, обусловлено многими причинами. Это и растущее недоверие к политике отдельных европейских государств и Евросоюза в целом, и недостаточная интегрированность россиян, не исключая молодое поколение, в культурно-информационное поле Европы [1]. Но вместе с тем не следует сбрасывать со счета и такой фактор, как психологическая совместимость (или несовместимость), причем не на уровне отдельных индивидов (известно, что русские специалисты достаточно успешно работают в зарубежных фирмах или учебных заведениях, а иностранные менеджеры — в российских), а на уровне масс и массового поведения. Если обратиться к анализу сложившихся в массовом сознании этнических стереотипов (включая автостереотипы), можно заметить, что россияне находят у себя очень мало черт, которые, по их мнению, присущи представителям народов, в совокупности составляющих Запад, и наоборот. Вот, например, что думают российские респонденты о самих себе и о немцах (см. табл. 1).

Сразу же обращает на себя внимание, что только по одной из 18 строчек данной таблицы («честность») индикаторы, характеризующие россиян и немцев, более или менее близко друг другу. По остальным же 17 имеются огромные разрывы — от 3-кратных до более чем 30-кратных (!). Россияне предстают здесь как смелые, энергичные и добродушные, но в то же время спонтанные, не слишком дисциплинированные и не очень деловые люди. Немцы же, напротив, отличаются пунктуальностью и деловитостью, в них ярко выражено рациональное начало и уважение к закону, но в то же время русские считают их чересчур педантичными, эгоистичными и... жестокими (последнее — это, конечно, отдаленное эхо войны). Безусловно, таким полярно противоположным психологическим типам нелегко

находить точки соприкосновения, и их устремления не могут сильно различаться. Конечно, стереотипы есть стереотипы, к ним надо относиться с очень большой осторожностью и, уж во всяком случае, не принимать буквально. Но в то же время они отражают определенный опыт взаимодействия и, несомненно, влияют на социальное поведение.

Таблица 1 Мнения респондентов о чертах характера, присущих россиянам и немцам, %

Черты характера	Присущи россиянам	Присущи немцам
Доброта	84,0	4,7
Гостеприимство	87,0	8,2
Терпимость	80,4	6,3
Смелость	78,5	5,8
Расхлябанность	73,4	2,0
Необязательность	73,5	5,5
Неряшливость	64,3	4,1
Духовность	62,9	14,4
Честность	34,6	29,7
Жестокость	14,3	45,1
Эгоизм	14,4	46,1
Вежливость	17,6	65,3
Скупость	5,0	72,0
Деловитость	12,0	79,2
Законопослушание	8,3	79,0
Расчетливость	6,7	84,0
Пунктуальность	4,2	88,8
Аккуратность	2,5	94,4

В ходе исследования респондентам было предложено вообразить, что они поймали золотую рыбку? и рассказать, что бы они у нее попросили. В отличие от главного персонажа из известной сказки А.С. Пушкина, респонденты оказались людьми сдержанными и скромными. Они не обременяли золотую рыбку чересчур амбициозными требованиями и ограничились лишь самым простым, чисто житейским набором: здоровье (43%), достаток (38%), счастье себе и близким (25%), счастье в личной жизни (18%). Пожелания, касающиеся приобретения недвижимости (квартира, дача), высказал каждый пятый опрошенный. Неожиданно невысокой оказалась доля респондентов, заказавших себе успешную карьеру — чуть выше 15%. Хорошее образование пожелали для себя 8%, но эта проблема актуальна только для молодежи. Мечта о мире без войны, которую в первые послевоенные годы разделяли миллионы людей, сегодня сохраняет свое значение лишь для 7%. Что же касается того, что выходит за пределы предметов первой необходимости, значения соответствующих показателей оказались еще ниже. Престижное потребление (купить яхту, автомобиль), а также путешествия — около 6%, работа за границей — 0,5%, слава — 0,3%. Как это ни странно, долгой жизни у золотой рыбки россияне тоже не просят: доля высказавших такое пожелание составила всего 0,5% опрошенных. В то же время без малого четверть опрошенных не стали бы ничего просить у волшебной дарительницы. Потому ли, что жизнь их вполне устраивает? Неслучайно же такая значительная (и по существу наибольшая) часть россиян удовлетворена сегодняшним положением. Это, кстати, на первый взгляд, достаточно парадоксальный результат. Ведь баланс выигравших и проигравших за годы реформ россиян в смысле повышения уровня их жизни, а также их социальной защищенности и безопасности все еще

остается отрицательным. Что же касается морального климата в стране, то, по оценкам респондентов, он ухудшился катастрофически (табл. 2).

Таблица 2 Как изменились люди и их отношения за последние 15–20 лет, какими они стали, по мнению россиян, %

Качества людей	Усилились	Ослабли	Остались теми же	Затруднились ответить
Агрессивность	79	6	15	0
Цинизм	68	10	22	0
Активность, целеустремленность, инициативность	41	34	25	0
Внушаемость, склонность подчиняться авторитетам	34	28	38	0
Ум, образованность	32	39	28	1
Способность к сотрудничеству	18	41	41	0
Ответственность за семью, забота о ней	18	37	45	0
Трудолюбие	17	51	32	0
Верность своим товарищам	9	47	44	0
Патриотизм, преданность своей Родине	7	64	29	0
Доброжелательность	6	71	23	0
Душевность	6	67	27	0
Уважение к женщине	5	67	28	0
Искренность	5	70	24	1
Бескорыстие, готовность помочь другому	5	72	23	0
Честность	5	70	25	0
Уважение к старшим	4	73	23	0

Как видно из приведенных в таблице 2 данных, единственное положительное человеческое качество, которое, по мнению наших респондентов, обнаруживало в последнее время восходящую тенденцию, — это активность, целеустремленность, инициативность. Но и в этом вопросе мнение выражено не вполне однозначно и четко: хотя почти 41% опрошенных считает, что это действительно так, 34% респондентов выразили по данному вопросу противоположное мнение. Перевес первой точки зрения, таким образом, не слишком велик. Неоднозначно россияне воспринимают и динамику таких качеств, как ум и образованность. Но все же считающих, что наши возможности в этом плане снижаются, оказалось несколько больше, чем тех, кто видит в этом вопросе какие-то улучшения, или убежденных в том, что мы в целом сохраняем свои позиции (соответственно 39, 32 и почти 28%).

Зато по другим позициям россияне намного более единодушны: свыше 78% опрошенных указывают на рост агрессивности и падение уважения к старшим, более 70% обращают внимание на недоброжелательность, рост неискренности между людьми, эрозию альтруистической мотивации, 67% — на неуважительное отношение к женщине и исчезновение такого психологически важного для россиян и русской культуры качества, как душевность, 68% — на рост цинизма. Россияне, по их признанию, стали менее патриотичными (64%), менее честными (почти 70% ответов), менее верными принципам товарищества (47%). Многие участники опроса выразили мнение, что ныне их сограждане стали более внушаемыми, подверженными информационно-психологическому манипулированию, у них ослабевает критическое мышление и возрастает склонность подчиняться авторитетам. Свыше 37% респондентов отмечают ослабление ответственности россиян перед семьей, в то время

как позитивные сдвиги видят только 17,5% (45% считают, что никаких изменений в этом плане не произошло).

Особо следует сказать о трудолюбии. Как было установлено в ходе многих исследований, это главный приоритет россиян в деле воспитания подрастающего поколения. Если в Швеции это качество называют в качестве первостепенно важного 4% опрошенных, в Польше — 21%, в Германии — 22%, в Великобритании 53% и в США 62%, то в России доля придерживающихся такого мнения поднимается по 91% (данные Института социологии РАН, 2007 и WVS, 1999–2001). Однако свыше половины опрошенных в ходе нашего последнего исследования полагают, что, несмотря на все рыночные стимулы, их соотечественники за последние 15–20 лет стали менее трудолюбивыми, чем были раньше.

Возможно, ключ к пониманию противоречивости оценок складывающейся в стране социально-исторической ситуации как раз и лежит в понятии национальной мечты. Да, многое в современной России ее граждан не устраивает, но все же в этой сложившейся на сегодня социально-экономической и политической системе есть зачатки того, к чему сознательно или бессознательно стремятся россияне, а способ сочетания и баланс заложенных в ней тенденций соответствуют их интуитивному ощущению должного. Можно назвать это *чувством стартовой позиции*. В современной России достаточно трудно найти всецело довольных граждан, но тем не менее почти две трети опрошенных считают, что тот путь, по которому в настоящее время идет страна, в перспективе приведет ее к нужным результатам.

Есть ли сегодня у россиян какая-то общая мечта, объединяющая людей на почве сходных стремлений? Мы бы воздержались от беспелляционных суждений по данному вопросу. Российское общество сильно фрагментировано, противоположность интересов различных его слоев не способствует формированию единства устремлений. Если русская мечта и существует (или складывается заново), то она, безусловно, размыта, и было бы, пожалуй, весьма затруднительно выразить ее в столь же четко артикулированном виде, в каком выражена американская или европейская мечта или, допустим, мечта о новом исламском мировом порядке. Однако результаты проведенного исследования указывают на то, что в массовом сознании совершенно определенно имеются все те компоненты, из которых синтезировалась русская мечта в прошлом: сильно выраженное чувство справедливости, приверженность социальному равенству, понимание свободы как воли, идея государства как общего дела и, наконец, приоритет социальных прав над политическими.

Литература

- 1 Андреев А.Л. Образ Европы в современном российском обществе // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 5.
- 2 Андреев А.Л. Российское образование : соц.-истор. контексты. М., 2008.
- 3 Падение Берлинской стены : до и после. М., 2010.
- 4 Rifkin. The European dream : how europe's vision of the future is quietly eclipsing the american dream. New York : Jeremy P. Tacher / Penguin, 2004.